

Виль Владимирович Липатов

**Стрежень (= Юноша и
машина)**

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
В46

В46 **Виль Владимирович Липатов**
Стрежень (= Юноша и машина) / Виль Владимирович Липатов – М.: Книга
по Требованию, 2012. – 113 с.

ISBN 978-5-458-04345-8

ISBN 978-5-458-04345-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Липатов Виль Владимирович
Стрежень (= Юноша и машина)

Виль Липатов

Стрежень

Глава первая

Степка Верхоланцев лежит на теплом песке. Глядит в небо, раскинув руки. Изредка налетает неслышный порыв ветра, колышет волосы, гладит разгоряченное лицо. На небе - звезды. Крупные, желтые, словно нарисованные на темном полотне; вспыхнув, прочертив небо стрелами, звезды падают в реку. От Оби пахнет рыбой, йодом, свежестью; на плесе горят яркие огни бакенов - красный и зеленый; отблеск их ложится на воду. Тихо. Обская волна мелодично позванивает, словно кто-то пальцами задевает струну. Когда Степка смотрит на реку, ему кажется - берег медленно плывет. Он осторожно переворачивается на бок, сложив ладони, подкладывает руки под щеку, счастливо улыбается. Спать он не может - от молодости, от воспоминаний, от радости, что лежит на теплом песке, а над ним падают звезды, возле него плещет волной Обь. "Дела как сажа бела..." - шепчет Степка, так как не может молчать, и эти слова ему нравятся. Степке двадцать лет, и он влюблен. Ее зовут Виктория Перелыгина. У нее высокие изогнутые брови, широкий лоб, ясные глаза; она гордая, решительная, у нее фигура спортсменки, ходит она стремительно. Виктория единственная. На всей земле нет такой девушки.

- Виктория! - вслух произносит Степка. Просто невероятно, что в одном слове может содержаться так много; он повторяет его по слогам несколько раз подряд.

Сегодня, проводив Викторию с танцев, Степка увидел ее тень на сиреневой занавеске и счастливо вздохнул.

Потом он переехал на левый берег Оби, поняв, что не уснет дома...

Звезды гаснут одна за одной; восток светлеет - над стеной тальника ширится голубоватая полоска, ширится, словно на край неба брызнули капельку синей туши и она расплывается. "Я люблю Викторию!" - шепчет Степка и смущается, словно его подслушали.

Степка Верхоланцев - высокого роста, широкоплечий, черноволосый, у него круглое, большеротое лицо с выпяченной нижней губой. Улыбка у него появляется исподволь, осторожно: сперва зажигает глаза, затем трогает полные губы, подбородок с круглой ямкой и уж затем заливает все лицо. Улыбнувшись, Степка долго не может погасить улыбку, словно ему жалко расставаться с ней. Она светится и светится и уходит с лица так же медленно, как и появляется. Когда Степка улыбается, он похож на мальчишку, которому показали чудесный фокус.

Степка ворочается, ежится от радости, ему хочется думать о Виктории, поэтому он гонит все другие мысли и мечты. Но это ему не всегда удается. Он хорошо понимает, что мечты у него ребячьи, глупые, но ничего не может поделать с ними.

Он видит самого себя в белом костюме спускающимся по длинному трапу космической ракеты. Люди в белых костюмах, похожих на развевающиеся туники, бегут к нему навстречу, восторженно кричат, а он спускается все ниже и ниже, протягивает к ним руки, и они протягивают тоже. Он останавливается и видит, что рядом с ним стоит Виктория, тоже в белой развевающейся одежде.

- Ох, дурной! - очнувшись, ругает себя Степка и укладывается головой на

локоть, чтобы было подтверже: может быть, не полезет в голову разная чепуха.

Восток совсем посветлел - видна Обь, покрытая тонкой пеленой тумана, бакены, зеленоватая вода; кажется, что река вздымается вверх, к правому берегу. Там готовится к пробуждению рыбацкий поселок Карташево - уже поднимается из труб тонкий дымок, скрипят калитки, идут в стадо коровы, останавливаясь и поглядывая на реку; женщины спускаются с ведрами к Оби; уходит домой сторож магазина селпо, мягко ступая валенками по росистой траве. Берег дымится.

Степке кажется, что он все это видит. Он засыпает, сладко причмокивает и улыбается во сне.

А за Карташевом встает солнце. Лучи его поднимаются над кромкой тальников, лижут небо, просветляя его, как пламя горна просветляет кусок черного металла. Небо становится разноцветным: белесое, розовое, красное, малиновое.

В седьмом часу утра остекленевшая Обь издает дробный, цокочущий звук, словно в воде работает гигантская трещотка, которую вертит отчаянный, веселый человек. Это от правого берега, от Карташева, описав навстречу пологую дугу, идет катер рыбаков сторожевого песка -- так называют здесь место, где рыбачит бригада. Катер называется "Чудесный". У него на коротком флагштоке вьется голубой вымпел, из трубы выпархивают колечки дыма. Похоже, что "Чудесный" курит папиросу. Он не режет обскую воду, а скользит по ней, как по стеклу.

На бортах катера - рыбаки. В брезентовых спецовках, в зюйдвестках, в глубоких резиновых сапогах, голенища которых привязаны к поясам сыромятными ремнями, они стоят, прислонившись к палубной надстройке, курят и покачиваются вместе с катером.

"Чудесный" приближается к берегу. Насколько охватывает глаз, рыбаки видят пологий песок; за ним - тальники, дальше - небольшая горушка, на ней высокий осокорь с поломанной верхотинкой, поодаль от него - шест с флагом, а вдоль песка, растянувшись почти на километр, висит на колях сторожевой невод.

Катер разворачивается и, взбурлив воду обратным ходом винта, резко останавливается. Подтянув голенища сапог, рыбаки прыгают в воду.

Первым на Карташевский сторожевой песок спрыгивает бригадир Николай Михайлович Стрельников - полный, солидный человек. Отряхнувшись и басовито прокашлявшись, он озирает берег начальственным взглядом.

- Где Верхованцев? Вот вопрос! - строго спрашивает он невысокого старика; тот, стоит позади него, но бригадир не поворачивается к нему. Нарушение трудовой дисциплины - вот ответ!

- Степка!.. Не должен бы... нарушить. Не должен бы! - говорит старик и часто моргает, словно в оба его глаза попали соринки.

Это самый пожилой рыбак в бригаде, которого все здешние зовут дядя Истигней, по-нарымски произнося его имя Евстигней. У него густые вьющиеся волосы, большой, свисающий с лица нос. Моргает дядя Истигней вследствие полученной на фронте контузии.

- Нарушить не должен бы... - задумчиво говорит он, почесывая переносицу.

Дядя Истигней шагает медленно, осторожно - кажется, что он боится причинить себе боль резким движением или поворотом.

- Сам знаю... не должен бы нарушить, - внушительно басит бригадир Николай Михайлович Стрельников. - Вопрос не в том, вопрос - где Верхованцев?

Дядя Истигней не отвечает. За ним стоит молодой рыбак Виталий Анисимов - тонкий парень с оттопыренными ушами. Он так же внимательно, как и Истигней, осматривался, перед тем как выпрыгнуть из лодки, точно так же вытирал паклей мокрые сапоги, так же - враскачку, медленно - прошелся по берегу и принял точно такую же позу, как и старик.

- Степан не должен бы нарушить... - голосом Истигнея говорит Виталий.

- Ну ладно! - вдруг спокойно, как ни в чем не бывало говорит бригадир. - Покуда Степки нет, начнем замет. Ладно, что ли? - спрашивает он старика.

- Добро! - соглашается дядя Истигней.

Рыбаки разделяются на две части - одни идут к неводу, другие готовят выборочную машину.

Все неторопливы, солидны в движениях, все молчат; шагают грузно, косолапо, переваливаясь с боку на бок, словно песок покачивается под ними. Выше всех и всех грузнее Григорий Пцхлава; у него нет зюйдвестки, вместо нее копна жестких волос, глаза черные-пречерные. Он отлично выбрит, и все же видно, что и на подбородке волосы у него растут черные. Шагая, он прищелкивает языком, чуть приплясывает.

Рыбаки идут цепочкой, друг за другом. Песок хрустит под ногами, ноги вязнут в песке. Освещенные поднимающимся солнцем, тальники становятся ярко-черными, берег, наоборот, светлеет. Обь поголубела, но над ней еще плавают, всасываясь в воду, клочья тумана.

Обь шушит, точно кто-то легонько проводит ладонью по сухому бумажному листу. Рыбаки останавливаются, шагающий впереди дядя Истигней наклоняется к спящему на песке Степке и громко говорит:

- Вот он!

- Вот он! -эхом откликается Виталий Анисимов.

- Барином устроился! - вслух размышляет дядя Истигней с таким выражением на лице, точно он ни капельки не сомневался, что увидит Степку тут, на песке, за крылом невода, а увидев, обрадовался своей прозорливости. Старик улыбается, помигивает, садится на корточки.

Степка лежит на спине, раскинув руки, синий шевиотовый пиджак измят, шляпа валяется на песке, губы шевелятся, а распахнутый пиджак обнажает сильную мускулистую грудь; шея у него по-юношески нежная, но крепкая, загорелая. Старик осторожно берет шляпу, стряхивает песок, внимательно рассматривает ее.

- Хорошая шляпа! Кажется, в рыбооповском магазине были такие, наконец говорит он, ощупывая шляпу своими короткими пальцами, кожа на которых тверда, как подметка. - Из какого материала она, а? - задумчиво спрашивает дядя Истигней.

- Велюровая! - подает голос высокий парень в промасленной рубашке. Его зовут Семен Кружилин, он работает механиком. Лицо у Семена молодое, чистое, а вот поглядишь на его морщинистый лоб - и не верится, что парню немногим больше двадцати. Выражение лица у него такое, словно он решает сложную, огромной важности задачу.

Дядя Истигней продолжает рассматривать шляпу, примеряет ее на себя.

- Хорошая шляпа! - решает он наконец и кладет ее на песок возле Степки.

Перевернувшись на бок, Степка улыбается, подтягивает ноги к груди, втис-

кивает меж колен руки. Хорошо спится парню на теплом песке под утренним солнцем.

- Пусть спит! - говорит дядя Истигней. - Перед заметом разбудим!

И рыбаки неторопливо идут дальше - готовить невод к замету.

Стрежевой невод - громадина длиной около семисот метров, однако рыбу им ловят точно так, как ловят обычным неводом: одно крыло заводят в реку, округлив кошельком, ставят поперек ее навстречу стрежи, а береговое крыло вытягивают. Разница только в том, что речное крыло стрежевого невода заводят не лодкой, а катером и выбирают не лошадьми, а выборочной машиной. Второй конец невода привязывается к колу, и на кол этот, медленно ползущий по песку, опирается человек, которого зовут "коловщик". Коловщиком в бригаде работает Ульян Тихий.

Коловщик Ульян Тихий подъезжает на обласке - маленькой долбленой лодке - в тот момент, когда все готово к замету невода и рыбаки толпятся возле кромки воды; они молчат, наблюдая, как лодчонка мягко притыкается к песку. Нагнув голову, Ульян сидит на дне обласка, тяжело вздыхает, не зная, выходить ему на берег или нет. Он страдает оттого, что рыбаки молчат. Беда в том, что Ульян не только опоздал на работу - он с великого похмелья. Голова раскальвается на части, тело ноет, в глазах мельтешат зеленые, розовые круги.

- Здравствуйте, - смущенно произносит он, не поднимая головы.

- Здравово, парниша! - за всех отвечает дядя Истигней.

Поздоровавшись, Ульян снова не знает, что делать дальше. Зато хорошо знает, как быть и что сказать, бригадир Николай Михайлович Стрельников - он выходит вперед, делает рукой округлый жест.

- Опоздали? На пятнадцать минут? - начальственно спрашивает он. На берегу тишина.

- Опоздали, спрашивают?

- Сам же видишь, что опоздал! - доносится злой и насмешливый голос высокой черноглазой девушки.

Николай Михайлович быстро оборачивается к ней и грозно сводит пышные черные брови.

- Наталья Колотовкина, не заострай вопрос! Умалчивай! - строго говорит он, потом опять обращается к Ульяну: - Значит, опоздали. Промежду прочим, с вас некоторые пример берут. Верхованцев сегодня где? Не знаете? А я знаю нарушает! А почему нарушает? Потому, что берет пример. А с кого берет пример? С вас...

Отвечайте, опоздали? На пятнадцать минут? Ну, отвечайте!

- Опоздал! - отвечает Ульян. Он поднимает на бригадира глаза и взгляд его говорит: "Да, опоздал! Ругайте меня, что хотите делайте! Вы правы! Я плохой человек, я опоздал на работу, у меня болит голова, и вообще я спился... Вот какие дела!"

- Ага, признаешься! - вдруг радостно вскрикивает бригадир. - Считаешь критику правильной! Говори, считаешь?

- Считаю, - тихо отвечает Ульян.

- Молодец! Правильно! Критику надо признавать... Говори еще раз опоздал?

- Опоздал.

- На пятнадцать минут?

- На пятнадцать...

- Правильно! - радостно подводит итог бригадир и победно смотрит на рыбаков, словно просит быть свидетелями этого выдающегося события - вот, дескать, глядите, граждане, опоздал человек, а признается, не запирается, готов исправить свои ошибки перед лицом коллектива. - Правильно! Всегда так делай! - продолжает Николай Михайлович. - Между прочим, Наталья Колотовкина должна учесть этот вопрос. Зачем встречать в серьезный разговор?

- Чихала я! - насмешливо говорит Наталья. Бригадир отворачивается от нее, снова становится хмурым, важным.

- Становись на место! Ворочай! - приказывает он Ульяну и зычно кричит на весь стрежевой песок: - На замет!

Добродушно посмеиваясь, рыбаки лезут в лодку-завозню, а дядя Истигней, проходя мимо бригадира, на секунду задерживается, как бы мимоходом говорит:

- Ты, Николай, зря на Степку. Здесь он.

- То есть как?! - не понимает Николай Михайлович.

- Спит на песке... Я разрешил не будить. Пусть полентяйничает! - Дядя Истигней улыбается, запахивая брезентовую куртку.

- Вот это вопрос! - ошеломленно вскрикивает бригадир. - Как так спит, когда трудовой день... Немедля разбудить!

Растерянность бригадира, его взлетевшие на лоб кустистые брови вызывают дружный хохот и в лодке-завозне и у выборочной машины. Подергивается от смеха дядя Истигней, грохочет басом Григорий Пцхлава, сверкая зубами, заливается Наталья Колотовкина, трясется всем своим большим, грузным телом повараха тетка Анисья. И только Виктория Перельгина - красивая, стройная девушка, работающая учетчицей, - не смеется: строго сдвигает тонкие брови, хмурится, точно хочет сказать, что ничего нет смешного в том, что Степан Верхоланцев спит в рабочее время. Но она ничего не говорит и решительно поднимается, крупными шагами идет к спящему Степке.

- На замет! - кричит бригадир Николай Михайлович. - Кончай хиханьки да хаханьки! Наташка, кому говорят, кончай, - добавляет он обычным, будничным тоном, каким, наверное, говорит дома. - Наташка, кон-чан! - Суровое, начальственное лицо бригадира сразу становится добродушным. - Зачинай, парни! - напевно, чисто по-нарымски, кричит он, забираясь в рубку катера.

На мачте, установленной посередине стрежевого песка, поднимается голубой флаг - внимание, началось притонение! Флаг полощется на ветру до тех пор, пока не закончатся замет и выборка невода, и в это время лодки и катера проходят мимо стрежевого песка осторожно, с оглядкой, боясь задеть невод. Капитаны пароходов, если случается им в это время идти мимо Карташева, командуют в переговорную трубку: "Тихай!" А вахтенные подходят к леерам и, взглядевшись в берег, вздыхают: "Осетринка!" Пассажиры толпятся на бортах, гадают, спорят приглушенными голосами, идет ли в эту пору нельма или жирный осетр.

"Внимание! Началось!" - полощется на слабом ветерке голубой флаг.

Катер "Чудесный" идет к месту замета невода. В лодке-завозне четверо: дядя Истигней, Виталий Анисимов, Григорий Пцхлава, Наталья Колотовкина. Катер только отчалил от берега, а дядя Истигней уже прицелился в небо подмигиваю-

щими глазами, посмотрел, прикинул что-то и после этого вольно развалился в завозне. Проследив за взглядом дяди Истигнея, Виталий Анисимов тоже внимательно смотрит в небо, тоже прикидывает что-то, тоже разваливается на неводе. Помолчав, подумав, говорит:

- Скажу тебе, что облак ненадежный. Вон тот! - Он показывает пальцем на легкое облако, повисшее над старым, ободранным осокорем. - Не задул бы волногон! - Слова у него сливаются, текут одно за одним без остановки; там, где полагалось бы поставить точку, он только едва уловимо передыхает. - Дядя Истигней, а дядя Истигней! - невесть почему кричит вдруг Виталий, хотя старик сидит рядом. - Дядя Истигней, а дядя Истигней!

- Ты бы не орал, парниша, - спокойно отзывается старик.

- И то правда, - говорит Виталий. - Чего реветь, коли вы тут... Скажите, дядя Истигней, задует волногон или не задует?

- Это, парень, надо подумать. - Дядя Истигней вновь оглядывает небо, прозрачное облако, которое снизу подмалинено солнцем, а сбоку зеленое.

Потом дядя Истигней хлопает себя по карману, склоняет голову, точно хочет по звуку определить, здесь ли похлопал, и опускает в карман руку, чтобы достать кисет, такой длинный, что, вынимая его, дядя Истигней сначала тянет руку вверх, потом, когда не хватает руки, - в сторону, далеко от себя. Вытащив кисет, он по плечу запускает в него руку, достает пригоршню самосада, второй рукой из нагрудного кармана вынимает свернутую газету, тремя пальцами все той же левой руки отрывает кусочек и завертывает самокрутку. Виталий Анисимов внимательно следит за дядей Истигнеем, старается не пропустить ни одного его движения. Рот у парня полуоткрыт, глаза от любопытства блестят, как бусинки.

- Это, парниша, надо подумать, - прикурив, говорит дядя Истигней. - Тут с бухты-барухты не скажешь. Тут сплеча рубить нельзя. На прошлой неделе такая же страма над осокорем висела, а что... Ты говорил задует, а что...

- Не задул! - огорчается Виталий.

- То-то! С кондачка, парень, нельзя, - все так же медленно продолжает дядя Истигней, но после этого еще раз глядит на облако, потом на тальники, затем вздыхает, чтобы набрать в легкие побольше воздуха, и, выдохнув, решительно говорит: - Три дня не будет ветра. С понедельника, думаю, задует!

Сделавшись серьезным, сосредоточенным, дядя Истигней поднимается, проходит по завозне к рубке катера, который держит лодку "под руку", как выражаются речники. Он наклоняется, зовет: "Николай!" Стрельников высовывается из окошечка, слушает дядю Истигнея, согласно кивает головой. Затем старик возвращается на место, выбросив за борт недокурную папиросу, зорко осматривает невод, завозню, рыбаков, Обь. Люди следят за дядей Истигнеем, тоже становятся серьезными, и даже с лица Натали Колотовкиной сходит насмешливое выражение - она подбирается, туже натягивает зюйдвестку, а Григорий Пцхлава шепчет что-то про себя.

- Глядите! - Дядя Истигней показывает на высокий ободранный осокорь. Луч коснулся вершинки?

- Коснулся, - почтительно отвечает Виталий.

- Значит, можно начинать! Есть у меня такая примета... Правда, солнце каждый день меняет положение, но вы примечайте. Смекаете?

- Смекаю! - говорит Виталий. - Смекаю!

Солнце уже поднялось над горизонтом - тальниками, все залито желтым светом; песок и река точно слились. Пересекающая реку лодка кажется погрузившейся в расплавленный металл.

- Начнем, товарищи! - говорит дядя Истигней, сдвигая на затылок зюйдвестку.

Принайтовленная к катеру завозня скрипит, валко покачивается, коричневым потоком из нее льется тяжелый невод, постукивая о борта гулкими поплавками и тяжелыми грузилами. Как только невод начинает струиться в реку, неторопливые движения рыбаков становятся стремительными.

Сейчас нельзя зевать - минута промедления, малейшая ошибка могут привести к аварии; если кто-нибудь замешкается, не выдаст вовремя кусок дели, невод запутается, туго натянутый катером, порвется. Бывали случаи, когда невод вырывало из завозни, а вместе с ним человека; бывало и так, что рыбаки возвращались на берег с двумя половинками невода; случалось, что невод тонул, оторвавшись от завозни. И, чтобы не было несчастья, рыбаки работают быстро, не оглядываясь, не переговариваясь, забыв обо всем на свете, кроме рвущегося из рук полотна невода.

Гудит мотор катера, плещет волна, постукивают поплавки и грузила. Трудно рыбакам. Дядя Истигней вдруг охает и закусывает губу: ударило поплавком. На большом пальце ярко выступает кровь, но вода сразу же смывает ее. У Натальи Колотовкиной сцепились поплавки, невод остановился, завозню дернуло. Наталья, выругавшись, припрыгнула на месте, повиснув над водой, отцепила; дядя Истигней только повел глазами, но ничего не сказал. А секунду назад он был готов броситься к Наталье на помощь.

В рубке катера впился руками в штурвал бригадир Стрельников. Только от него зависит, хорошо ли будет поставлен невод на реке: он может завалить его пологой дугой, может смять кошель, может так вытянуть, что рыбаки ничего не поймают. Это великое искусство - ставить невод на Оби, которая несется навстречу катеру, бурлит под его острым и вздернутым носом, всей силой стрежня хватается за днище и борта. Никаких примет, никаких ориентиров нет у бригадира - только чувство пространства, невода, силы течения.

"Чудесный" идет по дуге, за ним остается ровная круглая линия, состоящая из поплавок; она, точно пунктир на реке, обозначает место стоянки невода. Стрельников смотрит на поплавки - невод поставлен отлично. По лицу бригадира видно, что он доволен собой и полон радушия. Но вот катер поворачивает к берегу, и, хотя самое трудное осталось уже позади, лицо бригадира опять становится строгим, начальственным.

- Стоп! - басом командует он, да зря: механик Семен Кружилин уже сбавил обороты мотора, приостановил обратным ходом винта бег катера к берегу и, высунувшись из иллюминатора машинного отделения, придирчиво озирает работу бригадира. Тот командирски покрикивает: - На машине! Не зевать! - И опять зря. Семен Кружилин, каким-то образом уже оказавшийся на стрежевом песке, пальцем прикасается к белой выпуклой кнопке, подкручивает винты, гремит рычагами, и выборочная машина, гулко хлопнув дымным колечком, оживает.

Вслед за Кружилиным из завозни выбирается дядя Истигней, на ходу замазывающий окровавленный палец большим носовым платком. Торопясь к выборочной машине, дядя Истигней догоняет Виталия Анисимова, обнимает за плечи.

- Виталий! - говорит старик. - Завтра солнце должно сесть на один сучок ниже... Гляди на осокорь! Удивленно Виталий смотрит на осокорь.

Степка видит во сне, что он сходит на землю с белого космического корабля. Рядом с ним идет Виктория, наклоняется к его плечу, говорит: "Вставай, Степан! Вставай!" Он не может понять, что она хочет сказать этим, улыбается, берет Викторию за руки... и просыпается. Над ним стоит Виктория, слышен гул мотора, плеск обской волны.

- Как не стыдно! - сердито говорит Виктория. - Позор!

Солнце позади Виктории, поэтому ее волосы кажутся золотыми - вокруг головы точно ореол; не совсем проснувшись Степке она кажется сказочно красивой, воздушной, парящей над ним; ему трудно понять, продолжается ли сон или это уже явь, и он счастливо шепчет: "Виктория! Какая ты! Виктория!"

- Позор! - говорит она. - Валяешься на песке, когда все работают!

До сознания Степки с трудом доходит, что он лежит на берегу. Он снова закрывает глаза, крепко-крепко зажимается и только после этого приходит в себя - колючая мысль бьет в висок: "Проспал!"

- Виктория... - смущенно говорит Степка, вскакивая на ноги.

- Позор! - повторяет Виктория, резко поворачивается и уходит, оставляя на песке ровные, четкие следы. На ней чистая, аккуратная спецовка, шелковая кофточка. Степка же в измятом, запыленном пиджаке, брюки гармошкой, шляпа валяется на песке.

Парень понимает, как смешон и жалок он в глазах Виктории, и лицо его заливается краской, багровеет даже шея. "Охо-хо!" - восклицает Степка, глянув на часы. Половина восьмого - это он продрых бог знает сколько! Ба! Катер "Чудесный" уже стоит у берега, дядя Истигней мерит песок крепкими ногами, под навесом собрались женщины, сидит возле выборочной машины Семен Кружилин и, как всегда, читает книгу, вынутую из-под ремня. Батюшки! Солнце уже висит над средними ветками старого осокоря, а на мачте полощется голубой флаг Карташевского стрежевого песка, и на плесе, далеко-далеко, тихонько пробирается берегом белый пароход "Рабочий".

Проспал!

- Виктория! - зовет Степка.

Девушка не оборачивается. Такая уж она - строгая. Он провожает ее взглядом и улыбается. На душе у него еще немного тоскливо, но ему уже хочется опять счастья.

"Пустьяки, что проспал!" - думает Степка. Он выкидывает руки в стороны, приседает, поворачивается лицом к реке, глядит на нее, улыбается. Хороший будет денек! Одно-единственное облако плывет над старым осокорем. Вокруг него синее небо, усыпанное малиновыми и бордовыми точечками.

- Ого-го! - кричит Степка, срываясь с места. Бросается в землянку, хватается чьи-то старые брюки, натягивает их, смятый выходной костюм сваливает кучей, шляпу забрасывает; ошалев от радости, выскакивает наружу. Уже на бегу Степка соображает, что лучше было бы миновать сидящих под навесом женщин, обежать сторонкой, но мысль об этом приходит слишком поздно - стряпуха тетка Анисья, заметив Степку, машет ему, кричит:

- Сюда, Степушка, сюда! Иди, голубчик!